

ОТ АВТОРА

«А за грохотом и громом,
За броней стальной сидят,
По местам сидят, как дома,
Трое, четверо знакомых
Наших стриженных ребят».

А. Твардовский
«Василий Теркин»

Это книга о советских танкистах. О том, как они воевали, как жили и как погибали...

В этой книге много имен и фамилий — рядовых, сержантов, офицеров. В танковом экипаже не важно, в каком ты звании, — здесь жизнь и смерть на всех поровну. И немецкая болванка не выбирала солдата или офицера.

Это книга о людях, почти неизвестных российскому читателю. Так уж получилось, что имена и «подвиги» героев Панцерваффе значительно лучше известны в России, чем имена и подвиги наших соотечественников! И немудрено! На Западе за послевоенные годы написано множество книг о немецких танкистах. В нашей стране, о наших — всего несколько. Это несправедливо! Советские танкисты внесли решающий вклад в Победу!

Это они, сцепив зубы, взрывали свои танки в 41-м...

Это они встали непреодолимым щитом на пути врага к Москве и Сталинграду...

Это они приняли на себя ливень свинца и броневой снарядов под Курском...

Это они были самым главным и страшным противником «тигров» и «пантер»...

Это они остановили немецкий стальной кулак у озера Балатон, разбив последнюю надежду 3-го Рейха — «королевские тигры»...

И, наконец, загнав зверя туда, откуда он вышел, наводчик тяжелого ИСа с надписью «Боевая подруга» на башне, оторвавшись от прицела, смотревшего на колонны Рейхстага, удовлетворенно произнес: «Порядок в танковых войсках!» Последняя стреляная гильза уже вылетела из казенника, и можно было открыть люки...

Эта книга — попытка рассказать о тех, кто в самые трудные дни, часы, минуты не дрогнул, не отступил и, погибая, посылал врагу последний снаряд.

К сожалению, в одной книге невозможно рассказать не только о всех танкистах, совершивших подвиги на полях сражений Великой Отечественной войны, но даже хотя бы о тех, кому было присвоено звание Героя Советского Союза. Ведь таких было 1142 человека! 16 танкистов были удостоены этого звания дважды. Но официальная награда находила героев далеко не всегда!

Но так ли уж это важно сейчас? Ведь главное признание их подвигов — это наша память.

Это книга о «наших стриженных ребятах», о тех, кого победный салют в мае 1945-го навеки разделил на дошедших и недошедших...

**ЗАЖИВО СГОРЕВШИМ В ТАНКАХ
ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТА КНИГА**

ТАНКОВЫЕ АСЫ — КТО ОНИ?

Ас, как известно, слово не русское. В буквальном переводе с французского языка — это туз. Обыкновенный карточный туз. Применительно к особо отличившимся летчикам военной авиации оно стало использоваться в годы Первой мировой войны. Французы любили украшать свои самолеты знаками карточных мастей. По-видимому, отсюда и пошло. Вскоре система присвоения этого, хоть и неофициального, но весьма почетного звания была упорядочена: асами стали называть летчиков, добившихся не менее пяти побед.

В период Второй мировой войны заявить об уничтожении вражеского самолета просто на словах стало практически невозможно. В Люфтваффе, например, для подтверждения этого факта требовались либо показания фотопулемета, либо свидетельства других летчиков, принимавших участие в бою, либо и то и другое. В советских ВВС этот процесс был еще более сложным: факт уничтожения вражеского самолета должны были подтвердить сухопутные войска. Если же воздушный бой проходил над территорией противника, то сбитый советским летчиком немецкий самолет вообще не засчитывался. Фотопулеметов в советской авиации долгое время не было. Они появились только в середине войны на части ленд-лизовских самолетов. На оте-

чественных машинах (и то далеко не на всех) их стали устанавливать только в конце войны. Вместе с тем и одного свидетельства сухопутных войск было недостаточно. К месту падения вражеского самолета выезжала техническая группа из части, в которой служил сбивший его летчик, и окончательно фиксировала факт уничтожения. В результате счет, который велся пилотом, мог отличаться от официального, причем существенно. Однако гласности предавались и по сей день известны нам именно официальные числа, которые, как правило, сомнению не подвергаются. Так, например, советский ас А.И. Покрышкин, по официальным данным, сбил 59 вражеских самолетов, в то же время его личный счет примерно в полтора раза больше.

Пожалуй, единственное, что облегчало подсчет сбитых вражеских самолетов, — это то, что истребитель все-таки оружие индивидуальное. Даже в двухместных машинах этого класса пилотировал самолет и вел огонь по противнику один и тот же человек. Так что кому присваивать титул аса, было более или менее понятно. Некая этическая проблема возникает тут лишь с ведомым. Истребители, как известно, всегда летают парой. В советских ВВС вплоть до конца 1942 года звено вообще состояло из трех машин. Любой летчик хорошо знает, как много в воздушном бою зависит от ведомого. Но при этом сбивает главным образом ведущий, а ведомый остается в его тени. Все знают, например, самого результативного советского летчика Великой Отечественной войны Трижды Героя Советского Союза И.Н. Кожедуба, но мало кому известно, кто был его ведомым.

Было в истребительной авиации еще одно понятие — бой в группе. Когда невозможно было выяснить, кто из

пилотов конкретно сбил вражеский самолет, поступали просто: победа записывалась на командира группы.

Читатель может задаться вопросом — зачем понадобилось столь пространное «авиационное» вступление к книге, посвященной самым результативным танкистам? Оно необходимо для понимания как общности темы, так и весьма существенных различий между асами в авиации и асами-танкистами.

Само понятие «танковый ас» появилось только в начале Второй мировой войны. Первыми подсчитывать подбитые вражеские танки стали немцы, и вплоть до 1941 года только они этим и занимались. Для остальных эта проблема была неактуальной, либо по причине полного отсутствия в их армиях танков, либо по причине их малочисленности. Составить конкуренцию немцам в начальный период Второй мировой войны могли бы только французские танкисты, если бы Франция не потерпела столь стремительного поражения. Не значатся асы и в списках личного состава танковых войск Великобритании и США. Танков и танкистов у тех и у других было достаточно, однако ограниченность применения танковых войск, как по времени, так и по месту, не позволила танкистам этих стран проявить себя. Кроме того, ни американцы, ни англичане особо не стремились вести танковые дуэли с немцами. Поскольку наибольшего размаха танковые сражения достигли на Восточном фронте, то в итоге получилось, что танковые асы имеются только в рядах Панцерваффе и советских танковых войск.

Наиболее скрупулезно, можно даже сказать с любовью, подсчитывали свои победы и своих асов немцы. Делалось это не только с целью воздать должное самым результативным и умелым солдатам и офицерам, но и с

вполне понятной пропагандистской целью. Работа эта продолжилась и по окончании Второй мировой войны. На Западе в послевоенные годы вышло в свет множество книг на эту тему. Некоторые из них сейчас издаются и на русском языке. Всем им свойственны известная тенденциозность в освещении фактов, а порой и просто необъективность. Одни только жизнеописания немецких героев-танкистов, вышедшие из-под пера Франца Куровски, чего стоят. Читаешь и удивляешься — не люди, а коньки-горбунки какие-то, разящие врагов волшебным мечом Зигфрида! Тем не менее, работу свою эти книги делают: имя «самого результативного танкиста всех времен и народов» Михаэля Витмана известно многим, а скажем, кто такой Лавриненко — только узкому кругу интересующихся этой темой лиц.

Впрочем, на поверку выясняется, что Витман вовсе не самый-самый. Согласно последним, западным же исследованиям десятка наиболее результативных немецких танкистов выглядит следующим образом:

- фельдфебель К.Книспель — 168 танков;
- лейтенант О.Кариус — 150 танков;
- обер-лейтенант Г.Белтер — 144 танка;
- гауптштурмфюрер СС М.Витман — 138 танков (по другим данным, 120 или даже 147);
- обершарфюрер СС П.Эгер — 113 танков;
- оберфенрих Рондорф — 106 танков;
- унтер-офицер Белох — 103 танка;
- фельдфебель Гартнер — 101 танк;
- фельдфебель Кершер — 100 танков;
- оберштурмфюрер СС К.Кернер — 100 танков.

При изучении этого списка привлекает внимание тот факт, что все эти танкисты начиная примерно с се-

редины 1943 года (а многие и раньше) воевали в составе тяжелых танковых батальонов Вермахта и войск СС. То есть большинства своих побед они добились на тяжелых танках «Тигр» и «Королевский тигр», по своей огневой мощи значительно превосходивших большинство боевых машин стран антигитлеровской коалиции. Это обстоятельство хорошо иллюстрируется следующим примером. За шесть месяцев 1941 года, воюя на штурмовом орудии StuG III, М.Витман сумел уничтожить 25 советских танков, а за две недели боев на Курской дуге, сражаясь уже на «Тигре» — 30!

Результативность танкистов напрямую зависела от характера боевых действий и тактики их ведения. Совершенно очевидно, что применявшаяся в немецких тяжелых танковых батальонах тактика позволяла экипажам боевых машин добиваться высокого процента попаданий. Способствовал этому и характер боевых действий: на завершающем этапе Второй мировой войны Вермахт вел в основном оборонительные бои. Однако следует признать, что эти факторы не имели решающего значения. Причина высокой результативности немецких танкистов и эффективных действий танковых войск в целом состоит в другом. За 11 лет в Германии было изготовлено чуть более 50 тыс. танков и самоходных орудий, в то время как в СССР только за годы Второй мировой войны — 109 100 танков и САУ, в США — 135 100, в Великобритании — 24 800. Выпустив танков и САУ в пять раз меньше, чем свои основные противники, Германия смогла создать такие танковые войска, которые на протяжении всех лет войны, вплоть до ее последних дней, были в состоянии наносить мощные удары. В связи с этим достаточно вспомнить контр-

Немецкий легкий танк Pz.I Ausf.B

наступление немецких войск в Арденнах в декабре 1944 года и в районе озера Балатон зимой 1945 года. В обоих случаях, не имея абсолютно никакого превосходства в танках (как впрочем, и в остальных силах и средствах) ни на Западном, ни на Восточном фронте, немцы сумели добиться его на направлениях главных ударов, которые были отбиты колоссальным напряжением сил как западных союзников, так и Красной Армии.

Все это свидетельствует о высоком уровне боевой подготовки рядового и офицерского состава германских танковых войск, а также о надежности бронетанковой техники, позволявшей длительное время эксплуатировать танки и САУ без выхода их из строя по техническим причинам. Немецким конструкторам удалось добиться и неплохих боевых характеристик своих броневых машин. Хорошее вооружение, отлич-

ные оптика и средства связи, надежные двигатели и ходовые части, комфортные условия работы экипажа — все это вкупе с уже упомянутой отличной боевой подготовкой танкистов позволяло немцам всю войну обходиться меньшим количеством танков и САУ, чем их противники, и наносить им весьма ощутимые потери. В подтверждение этого факта достаточно упомянуть, что во время Второй мировой войны советские танки в среднем ходили в атаку три раза, немецкие же — 11 раз, а за одну подбитую «Пантеру» американцы «платили», как правило, пятью «шерманами»! Соотношение потерь на Восточном фронте было не лучше.

Кстати, самым результативным немецким танкистом, воевавшим на «Пантере», считается обершарфюрер СС Э.Баркман, на счету которого 80 уничтоженных танков. Командир «Пантеры» унтер-офицер дивизии «Великая Германия» Р.Ларсен записал на свой счет 66 танков. Впрочем, «Пантера» как противотанковое средство мало в чем уступала «Тигру». Успехи же немецких танкистов, воевавших на других типах боевых машин, были скромнее, а потому и менее известны.

Несмотря на все вышесказанное, есть основания усомниться в достоверности немецкой статистики. Дело в том, что еще в ходе Второй мировой войны даже немецкое главное командование не очень-то доверяло сведениям, поступавшим из фронтовых частей. Как правило, сообщенные ими данные об уничтоженных советских танках после перепроверки уменьшались вдвое. Но стоит задаться вопросом: если это касалось сведений о советских потерях в целом, то не подойти ли с той же меркой и к показа-

телям результативности конкретных немецких танкистов? Судя по всему, сделать это стоит. Приводимые в западной литературе сведения следует подвергнуть известной корректировке.

Так, например, все данные о боевой деятельности первой десятки немецких танкистов-асов взяты из так называемых описаний боевого пути тяжелых танковых батальонов, а попросту — из журналов боевых действий. При всей внешней солидности этих изданий, их содержание, особенно при внимательном изучении и сопоставлении фактов, начинает порой вызывать недоумение, если не сказать больше. Чего, скажем, стоит запись типа: «В 12 ч. дня три «тигра» такого-то взвода с дистанции 2000 м уничтожили 19 танков Т-34». При этом чуть ранее, в сводке о метеорологических условиях дня сообщалось: «Метель». Вот те на, это они в метель с дистанции 2000 м со-

Немецкий легкий танк Pz.II Ausf.F

жгли 19 танков, да еще и точно тип определили? Да тут бы и лазерный прицел не помог! А может, это и не «тридцатьчетверки» были вовсе, а Т-70? И не 19, а девять? И не с 2000 м? Да и не уничтожили, а просто обстреляли? Тем более что дело было под Ростовом зимой 1943 года, немцы оборонялись и поле боя осталось за нашими войсками. Так что уточнить, что это были за танки, сколько и какие повреждения им были нанесены, немцы не могли. Тем не менее в журнал боевых действий сделана уверенная запись о победе!

Не может не вызвать удивления и еще один факт. Записи в журналах боевых действий немецких тяжелых танковых батальонов (и не только их) пестрят сообщениями об уничтоженных танках Т-34 и КВ. Танки других типов попадают гораздо реже. Создается впечатление, что танковый парк Красной Армии состоял только из двух типов боевых машин. Однако это было далеко не так. В танковой бригаде Красной Армии по штату, действовавшему с июля 1942 года, полагалось иметь 32 танка Т-34 и 21 танк Т-60 или Т-70. В отдельном танковом полку механизированной бригады — 23 Т-34 и 16 Т-60 или Т-70. Таким образом, в момент появления «тигров» на Восточном фронте легкие боевые машины составляли не менее 40% танкового парка Красной Армии. Подобная картина наблюдалась вплоть до конца 1943 года, так как штат танковой бригады, по которому она стала однородной и насчитывала 65 танков Т-34, был введен только в ноябре 1943-го. Тем не менее создается впечатление, что в 1942—1943 годах немецкие танкисты вели бои почти исключительно с танками Т-34. О советских легких танках очень мало упоминаний, на-

пример, в журнале боевых действий 502-го тяжелого танкового батальона. В упор не видит их в своих воспоминаниях и танкист этого батальона Отто Кариус. А ведь 502-й батальон воевал под Ленинградом, где советских легких танков было даже больше, чем на других участках Восточного фронта. Здесь продолжали эксплуатироваться легкие танки устаревших конструкций — Т-26 и БТ. Так, например, даже в январе 1944 года, накануне операции по снятию блокады с Ленинграда, в 1-й танковой бригаде Ленинградского фронта имелось 35 танков Т-34, 32 Т-26, 21 Т-60 и четыре САУ СУ-76. Аналогичная картина наблюдалась и в 220-й танковой бригаде — 34 Т-34, 32 Т-26, 18 Т-60 и 7 Т-70. Совершенно очевидно, что подбить Т-70, а уж тем более Т-60, не представлявший для «Тигра» никакой реальной опасности, куда проще, чем Т-34 или КВ. Что касается Т-26, то он вообще мог быть выведен из строя осколками 88-мм снаряда! Но, по-видимому, немецкие танкисты считали ниже своего достоинства записывать на боевой счет победы над легкими танками и попросту причисляли их все к Т-34! Поэтому честные записи типа «подбито 16 русских танков — 11 Т-60 и 5 Т-34» встречаются редко.

Кроме того, следует учитывать и то, что на большой дистанции, да еще в условиях не слишком хорошей видимости, отличить Т-34 от Т-70 довольно проблематично, а Т-34-85 от ИС-2 практически невозможно. Но никаких сомнений на этот счет в немецких журналах боевых действий, как правило, нет. Если до 1944 года на немцев ползли одни «тридцатьчетверки», то позже — почти сплошь ИС-2! Ведь заявил же все тот же Отто Кариус об уничтожении под Даугавпилсом 17 ИС-2 и 5 Т-34. Однако в отчете штаба 502-го тяжелого танкового

Советский легкий танк Т-26 обр. 1933 г.

батальона и в советских документах содержатся сведения о 5 ИС-2 и 17 Т-34 (к тому же не все они были подбиты ротой Кариуса). Вот и не знаешь, чем страдал Кариус — склерозом или близорукостью? Хотя, скорее всего, склерозом — ведь приписал же он своей роте там же, под Даугавпилсом, 28 подбитых советских танков! Факт, ничем, кроме воспоминаний самого Кариуса, не подтверждающийся.

Не совсем понятно, как учитывались танки, подбитые в групповом бою, и как вообще их можно было учесть. Например, сообщается, что 12 июля 1943 года под Прохоровкой командир роты 1-й танковой дивизии СС «Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» оберштурмфюрер фон Риббентроп на танке Pz.IV подбил 14 советских танков, опять-таки исключительно Т-34. Интересно, фон Риббентроп свои снаряды краской накачивал, что ли, как шарики в пейнтболе? Иначе каким же образом, постоянно меняя позицию и ведя огонь по

постоянно маневрирующим советским танкам, можно точно фиксировать попадания, а уж тем более утверждать, что именно ты, а никто другой уничтожил тот или иной вражеский танк. И это в условиях боя под Прохоровкой, когда по двум атакующим советским танковым корпусам вели огонь не только все танки дивизии «Лейбштандарт», но и вся ее артиллерия — и противотанковая, и дивизионная. А кроме того, еще и часть танков и артиллерии дивизий СС «Рейх» и «Мертвая голова», и чуть ли не вся, поставленная на прямую наводку, артиллерия 2-го танкового корпуса СС! В такой ситуации указывать число подбитых тем или иным экипажем танков можно очень приблизительно. Более или менее твердо можно говорить лишь об общем числе подбитых вражеских машин, особенно если ситуация позволяет их пересчитать после боя. Но и тут возможны накладки.

Так, например, уже не раз упоминавшийся 502-й тяжелый танковый батальон выделяется числом своих побед на фоне других частей и подразделений, оснащенных «тиграми». По немецким данным, за все время его нахождения на фронте с 1942 по 1945 год танкисты этого батальона уничтожили 1400 советских танков! При этом собственные потери составили 105 «тигров» и восемь «королевских тигров». Соотношение примерно 1:12! Правда, о том, сколько было потеряно танков Pz. III, находившихся в составе батальона вплоть до мая 1943 года, немецкие источники скромно умалчивают, как, впрочем, и о том, сколько из этих 1400 танков подбили «тройки». Однако, при внимательном изучении, невольно обращаешь внимание на одну существенную деталь. Дело в том, что и в воспоминаниях немецких танкистов, и в журналах боевых действий тяжелых танковых батальонов, изданных на Западе, смешиваются

(вольнo или невольнo) понятия «уничтожен» и «подбит». Причем вне зависимости от того, на каком языке написана та или иная книга. И в немецком и в английском языке эти понятия четко различаются! Взять хотя бы данные по 502-му батальону: о себе немцы сообщают безвозвратные потери (что понятно — батальон-то в итоге уничтожили весь), а о нас? Очень «точное» число с двумя нулями на конце — это все-таки уничтожено или подбито? Разница существенная: если уничтожено, то это безвозвратные потери, если подбито, то танк может быть отремонтирован и возвращен в строй. И как определить, уничтожен вражеский танк или подбит, особенно если поле боя осталось не за тобой, а стрелял ты по нему с дистанции в 1,5 км? В ходе Второй мировой войны безвозвратные потери, как правило, составляли 30—40% от общих потерь. А значит, в итоге выходим на примерное число в 490 уничтоженных 502-м батальоном советских танков. Его и надо сравнивать с немецкими безвозвратными потерями. Соотношение при этом получается уже иное — 1:5, что действительно близко к истине и совпадает с соотношением потерь на Западном фронте.

Впрочем, утешительного во всем этом мало. Становится понятным, какую цену заплатили наши солдаты за победу в Великой Отечественной войне. Что же касается результативности отдельных немецких танкистов, то даже если огульно уменьшить их победы вдвое, то все равно она будет существенно выше, чем у наших.

Причин тут несколько, причем все они тесно связаны между собой. То, что уровень боевой подготовки немецких танкистов был очень высоким, в доказательствах не нуждается. Этому вопросу и в Вермахте, и в

Советский колесно-гусеничный танк БТ-7 обр. 1937 г.

войсках СС уделялось большое внимание, как и вопросу сработанности экипажей. Причем последнему, судя по всему, даже больше — ведь танк, как ни крути, оружие коллективное. Сработавшийся экипаж холили и лелеяли. Раненый танкист после излечения в абсолютном большинстве случаев возвращался не просто в свою часть, а в свой экипаж, члены которого в результате понимали друг друга не только с полуслова, а с полувзгляда.

В Красной Армии и с тем и с другим дело обстояло гораздо хуже. Вот что вспоминал по этому поводу В.П. Брюхов, закончивший в 1942 году Сталинградское танковое училище, эвакуированное к тому времени в Курган: «...Надо сказать, учебная база была очень слабой. Я после войны посмотрел немецкий учебный комплекс в Австрии. Конечно, он был намного лучше. Например, у нас мишени для стрельбы из орудий были неподвижные, мишени для стрельбы из пулеметов — по-

являющиеся. Что значит появляющиеся? В окоп, в котором сидит солдатик, проведен телефон, по которому ему командуют: «Показать! Опустить!» Положено, чтобы мишень появлялась на 5—6 секунд, а один дольше продержит, другой — меньше. У немцев на полигоне была установлена система блоков, управляемая одним большим колесом, оперирующая и орудийными, и пулеметными мишенями. Колесо крутили руками, причем от скорости вращения этого колеса зависела продолжительность появления мишени. Немецкие танкисты были подготовлены лучше, и с ними в бою встречаться было очень опасно. Ведь я, закончив училище, выпустил три снаряда и пулеметный диск. Разве это подготовка? Учили нас немного вождению на БТ-5. Давали азы — с места трогаться, по прямой водить. Были занятия по тактике, но в основном «пешим потанковому». И только под конец было показательное занятие «танковый взвод в наступлении». Все! Подготовка у нас была очень слабая, хотя, конечно, материальную часть Т-34 мы знали неплохо». И это подготовка в офицерском училище! Что уж тут говорить о подготовке рядового состава. Механиков-водителей готовили три месяца, радистов и заряжающих — месяц. После получения танков на заводе некоторое время уходило на сколачивание экипажей и боевых подразделений. Для экипажа А.М. Фадина, например, это сколачивание свелось к следующему: «Мы получили на заводе новехонькие танки. Маршем прошли на них на наш полигон. Быстро развернулись в боевой порядок и осуществили атаку с ходу с боевой стрельбой. В районе сбора привели себя в порядок и, вытянувшись в походную колонну, начали движение к железнодорожному вокзалу на погрузку для следования на фронт». И все...

По прибытии в действующую армию «сколоченные» таким образом экипажи часто распались еще до того, как вступали в бой. В частях, куда прибывало пополнение, имелись так называемые «безлошадные» танкисты, уже побывавшие в боях. Они и заменяли на прибывших танках необстрелянных командиров и механиков-водителей. В дальнейшем экипаж также не был «постоянной величиной» — командование нисколько об этом не заботилось. Раненые танкисты после госпиталя в абсолютном большинстве случаев в свою часть и свой экипаж не возвращались. Более того — они не всегда возвращались даже в танковые войска. Хорошей иллюстрацией такого подхода может служить фронтовая биография Р.Н. Уланова. До ранения в январе 1943 года он возил на прицепе к «полупуторке» ГАЗ-

Немецкий средний танк Pz.III Ausf.J

АА 120-мм полковой миномет. Затем попал в 15-й учебный самоходно-артиллерийский полк, где стал механиком-водителем СУ-76. По его воспоминаниям, программа обучения предусматривала 18 часов вождения, реально же получалось не более трех. Попав в сентябре на фронт, провоевал около двух месяцев — машину подбили. Уланова опять пересадили на «полуторку» — возить раненых, потом офицера связи полка. В декабре его грузовик подорвался на mine, опять госпиталь, затем рота охраны штаба 13-й армии, где его посадили на трофейный танк Pz.IV, а затем на броневедомоцикл БА-64. В мае 1944 года механика-водителя САУ направили на курсы младших лейтенантов 13-й армии, готовившие командиров стрелковых и пулеметных взводов! Курсы Р.Н. Уланов закончил в августе 1944-го, но повоевать в пехоте ему не пришлось. Случай вернул его обратно в самоходную артиллерию.

Помимо подготовки танкистов и экипажей, так сказать низового звена, в Вермахте огромное внимание уделялось налаживанию четкого взаимодействия в бою между танковыми подразделениями, а также взаимодействия с другими родами войск: пехотой, артиллерией, авиацией. Надо сказать, что немцы в этом преуспели. Механизм взаимодействия работал четко и безотказно с первого и до последнего дня войны. Способствовала этому и организация танковых частей и соединений. Так, например, хорошо отработанным, характерным приемом ведения боевых действий было формирование так называемых «боевых групп». Такая группа представляла собой временное соединение из различных частей дивизионного подчинения. Ядром боевой группы являлся танковый или мотострелковый полк, которому придавались артиллерийские, проти-

вотанковые, саперные и другие подразделения. Часто в боевую группу включались и корпусные средства усиления. Возглавлял боевую группу командир полка или бригады. В рамках дивизии могли формироваться одна или две боевые группы. В итоге получалось соединение, достаточно компактное, легко управляемое, лишённое тыловых служб и обозов, с прекрасным взаимодействием различных родов войск. Приказы артиллеристам и саперам отдавал командир боевой группы, не запрашивая при этом командира дивизии. После первых же столкновений с советскими танками Т-34 и КВ в состав боевых групп танковых дивизий в обязательном порядке стали включать батарею 88-мм зенитных пушек. Из воспоминаний наших танкистов следует, что практически сразу же после столкновения с немецкими танками наши танки попадали под огонь 88-мм зениток. Возникало ощущение, что эти орудия движутся непосредственно в боевых порядках немецких танковых частей. На самом деле так оно и было, организация боевой группы это позволяла. Вместе с тем в руках командира дивизии всегда имелся резерв из пары мотострелковых батальонов и нескольких артиллерийских, а затем и самоходно-артиллерийских дивизионов, главным образом 150-мм гаубиц и 105-мм пушек, которыми всегда могли быть усилены одна или другая группа.

В свою очередь советские танковые войска в начальный период войны не отличались ни организационным совершенством, ни налаженным взаимодействием с другими родами войск. В связи с этим имеет смысл привести точку зрения бывшего немецкого генерала фон Меллентина, который с конца 1942 по сентябрь 1944 года находился на Восточном фронте в качестве началь-

Немецкий средний танк Pz.IV Ausf.D

ника штаба сначала танкового корпуса, а затем танковой армии.

«В 1941 и 1942 годах тактическое использование танков русскими не отличалось гибкостью, а подразделения танковых войск были разбросаны по всему огромному фронту. Летом 1942 года русское командование, учтя опыт проведенных боев, начало создавать целые танковые армии, имеющие в своем составе танковые и механизированные корпуса. Задача танковых корпусов, в которых было относительно немного мотопехоты и артиллерии, состояла в оказании помощи стрелковым дивизиям, осуществлявшим прорыв. Механизированные корпуса должны были развить прорыв в глубину и преследовать противника. Исходя из характера выполняемых задач, механизированные

корпуса имели равное с танковыми корпусами количество танков, но машин тяжелых типов в них не было. Помимо этого, по своей штатной организации они располагали большим количеством мотопехоты, артиллерии и инженерных войск. Успех бронетанковых войск русских связан с этой реорганизацией; к 1944 году они стали самым грозным наступательным оружием Второй мировой войны.

Сперва русским танковым армиям приходилось дорого расплачиваться за недостаток боевого опыта. Особенно слабое понимание методов ведения танковых боев и недостаточное умение проявляли младшие и средние командиры. Им не хватало смелости, тактического предвидения, способности принимать быстрые решения. Первые операции танковых армий заканчивались полным провалом. Плотными массами танки сосредоточивались перед фронтом немецкой обороны, в их движении чувствовалась неуверенность и отсутствие всякого плана. Они мешали друг другу, наталкивались на наши противотанковые орудия, а в случае прорыва наших позиций прекращали продвижение и останавливались, вместо того чтобы развивать успех. В эти дни отдельные немецкие противотанковые пушки и 88-мм орудия действовали наиболее эффективно: иногда одно орудие повреждало и выводило из строя свыше 30 танков за один час. Нам казалось, что русские создали инструмент, которым они никогда не научатся владеть, однако уже зимой 1942/43 года в их тактике появились первые признаки улучшения.

1943 год был для русских бронетанковых войск все еще периодом учебы. Тяжелые поражения, понесенные немецкой армией на Восточном фронте, объяснялись не лучшим тактическим руководством русских, а серь-

езными стратегическими ошибками германского верховного командования и значительным превосходством противника в численности войск и технике. Лишь в 1944 году крупные русские танковые и механизированные соединения приобрели высокую подвижность и мощь и стали весьма грозным оружием в руках смелых и способных командиров. Даже младшие офицеры изменились и проявляли теперь большое умение, решительность и инициативу. Разгром нашей группы армий «Центр» и стремительное наступление танков маршала Ротмистрова от Днепра к Висле ознаменовали новый этап в истории Красной Армии и явились для Запада грозным предостережением. Позднее, в крупном наступлении русских войск в январе 1945 года, нам также пришлось наблюдать быстрые и решительные действия русских танков».

Трудно не согласиться с мнением немецкого генерала, тем более что хоть и с известными оговорками, но в главном он прав.

Образно говоря, есть две составляющие боевых действий, которые условно можно представить понятиями «порыв» и «маневр». В действиях наших танковых, и не только танковых, войск в первые два года войны явно преобладал «порыв». «Порыв» — это когда «За Родину! За Сталина! Делай как я!» — и вперед в атаку! А «маневр» — это когда хорошо замаскированная в кустах противотанковая пушка пресекает «порыв» в зародыше. Преобладание «маневра» над «порывом» в действиях советских танковых войск в крупных масштабах проявилось в ходе контрнаступления под Сталинградом и сразу принесло результаты. Однако, несмотря на положительные сдвиги, «порыв» время от времени давал о себе знать. Так, например, контрудар 5-й гвар-

Советский средний танк Т-28

дейской танковой армии под Прохоровкой — это ярко выраженный «порыв». Нужен был «маневр», но командование предпочло «порыв» и фактически погубило армию. Примеры «порыва», причем при явном давлении сверху (в войсках-то уже давно «шкурой» поняли, что «маневр» лучше), можно найти даже в 1945 году. Вот один такой вопиющий случай, приведенный в журнале «Военно-исторический архив» полковником в отставке В.М. Сафиром: «Эту быль рассказал мне подполковник Н., участник Берлинской операции. Итак, снова о танках, вернее, о том, как командование 1-м Белорусским фронтом применяло их в городских условиях (чтобы никто не удивлялся — откуда вдруг взялся «чечено-грозненьский опыт»).

1945 год. Берлин. Начало аллеи «Франкфуртер Тор» (Франкфуртские ворота). По направлению к центру го-

рода в кильватер выстраивается наша танковая бригада. Впереди, до самого центра, разбитая улица, в развалинах домов которой, в подвалах, засели сопливые мальчишки с фаустпатронами. Почти так же, как мы видим иногда по телевизору отдельные старты лыжников на первенстве мира, когда через секунд тридцать по писку системы «Лонжин» стартер командует — «пошел», вот так же, почти с тем же интервалом, той же командой — «пошел», пускали в последний путь танки моей несчастной бригады, с боями прошедшей кровавый путь до фашистской столицы. Казалось бы, все позади — вот она, Победа. Но нет, так просто у нас не бывает... Каждая машина проскакивала 400—600 метров, после чего конец был для всех одинаков — танк расстреливался в упор фаустпатронами, и, с учетом крайне разрушительного заброневого действия этого нового для нас боеприпаса, мало кто из членов экипажа имел возможность спастись. Прикинув эту арифметику, я без труда рассчитал, что жить мне осталось минут шесть. Но, видимо, везуха была на моей стороне — когда перед моим танком осталось всего две машины, эту бессмысленную бойню остановили. Кто принял решение, я не знаю, да и было не до выяснений...»

Что тут скажешь, при такой организации боевых действий вряд ли можно требовать от советских танкистов высокой результативности. Отрицательным образом сказался на ней и приказ Наркома обороны (то есть И.В.Сталина) № 0728 от 19 сентября 1942 года «О внедрении в боевую практику танковых войск стрельбы из танков с хода». В этом приказе, в частности, говорилось: «Опыт Отечественной войны показывает, что наши танкисты не используют в бою всей огневой мощи танков, не ведут по противнику интенсивного артиллерийского

и пулеметного огня с хода, а ограничиваются прицельной стрельбой только из орудий, да и то с коротких остановок.

Практикуемые нашими войсками танковые атаки без достаточно интенсивного огня всех огневых средств танков создают благоприятные условия для безнаказанной работы орудийных расчетов артиллерии противника.

Такая неправильная практика значительно уменьшает силу огневого и морального воздействия наших танков на противника и приводит к большим потерям в танках от артиллерийского огня врага.

Приказываю:

Танковым частям действующей армии с момента подхода к боевым порядкам своей пехоты атаку противника начинать мощным огнем с хода из всего танкового вооружения как из орудий, так и из пулеметов, не боясь того, что стрельба получится не всегда прицельная. Стрельба из танков с хода должна быть основ-

Советский средний танк Т-34 обр. 1941 г.

ным видом огневого воздействия наших танков на противника, и прежде всего на его живую силу.

Увеличить боекомплект в танках, доведя его на танке КВ до 114 снарядов, на танке Т-34 — до 100 снарядов и на танке Т-70 — до 90 снарядов.

В танковых бригадах и полках иметь три боекомплекта, из них один возимый в танках».

Мотивировка появления такого приказа вполне понятна. Танковые войска Красной Армии в первую очередь предназначались для борьбы с пехотой противника, борьбу с его танками должна была вести противотанковая артиллерия. Вот как сформулировал свою точку зрения сам Сталин в разговоре с М.Е. Катуковым 17 сентября 1942 года. В ходе беседы Сталин спросил:

— Стреляют танкисты с ходу?

Я ответил, что нет, не стреляют.

— Почему? — Верховный пристально посмотрел на меня.

— Меткость с ходу плохая, и снаряды жалеем, — ответил я. — Ведь наши заявки на боеприпасы полностью не удовлетворяются.

Сталин остановился, посмотрел на меня в упор и заговорил четко, разделяя паузами каждое слово:

— Скажите, товарищ Катуков, пожалуйста, во время атаки бить по немецким батареям надо? Надо. И кому в первую очередь? Конечно, танкистам, которым вражеские пушки мешают продвигаться вперед. Пусть даже ваши снаряды не попадают прямо в пушки противника, а рвутся неподалеку. Как в этой обстановке будут стрелять немцы?

— Конечно, меткость огня у противника снизится.

— Вот это и нужно, — подхватил Сталин. — Стреляйте с ходу, снаряды дадим, теперь у нас будут снаряды».

Советский тяжелый танк КВ-1 с пушкой Ф-32

В общем, все понятно и вроде бы все логично. Вот только реальная действительность слишком часто вносила свои коррективы, а приказ тем временем все равно нужно было исполнять. Вот и исполняли его танкисты 5-й гвардейской танковой армии, атакуя в лоб 2-й танковый корпус СС. Немцы по ним били с места, прицельно, а наши с ходу, попусту расходуя снаряды.

Была еще одна причина, позволявшая немцам чаще выходить победителями из танковых дуэлей. Заключается она в конструкции танков. Да, да, именно в конструкции, которая не имеет ничего общего с заявленными тактико-техническими характеристиками. По последним наши танки были ничуть не хуже немецких. В чем-то уступали, но в чем-то и превосходили, причем в первый год войны превосходство в тактико-технических характеристиках было однозначным. Но речь сейчас не об этом. Речь о том, насколько экипажу того или иного танка удастся реализовать эти характеристики, и не на полигоне, а в бою. С сожалением приходится констатировать, что для

боя немецкие танки были приспособлены гораздо лучше. Простой пример. Почти все немецкие танкисты в своих воспоминаниях отмечают, что русские танки запаздывали с открытием ответного огня, а порой и просто долго не могли определить, откуда по ним стреляют. Немудрено! Недостаточное количество, плохое качество, а также неудачное расположение приборов наблюдения просто не позволяли экипажу танка Т-34, например, вовремя обнаружить цель. Кроме того, у этого танка в бою отсутствовал командир, не по должности, а по выполняемым обязанностям. Выполняя функции наводчика, он видел только то, что мог увидеть в телескопический прицел. Появление в 1943 году на «тридцатьчетверке» командирской башенки, вопреки расхожему мнению, мало что изменило. В бою командир-наводчик все равно не мог ей пользоваться. Достаточно взглянуть на расположение немногочисленных приборов наблюдения на Т-34, чтобы понять, что остальные члены экипажа почти не могли ему помочь. Изменить ситуацию удалось только на Т-34-85.

Командир танка КВ-1 находился в положении не намного лучше. При экипаже в пять человек он мог не отвлекаться на выполнение других функций, а полностью сосредоточиться на управлении боем. Но не тут-то было: его месторасположение в танке не позволяло это. Командир танка КВ-1 располагался справа от орудия, для наблюдения за местностью в его распоряжении имелась командирская панорама ПТК-5, в идеале позволявшая вести круговое наблюдение. Но только в идеале. Сам-то командир танка не мог крутиться на 360°, вот и получалось, что реальный сектор наблюдения командира КВ составлял примерно 120° в передней и правой полусферах. Что творилось слева и сзади от танка оставалось для него тайной за семью печатями.

Немецкий легкий танк чехословацкого производства Pz.35(t)

Столько внимания ведению наблюдения из танка уделено здесь не случайно. От того, кто первым обнаружит противника, в бою зависело очень многое, если не все. В этом вопросе немецкие танки с четким функциональным разделением обязанностей членов экипажа из пяти человек имели явное преимущество. Обеспечивалось оно и техническим обеспечением командира средствами наблюдения — командирской башенкой.

Однако не следует думать, что все сводилось только к приборам наблюдения. Лучше у немцев обстояло дело, например, и со средствами связи, как внешней, так и внутренней. Во всяком случае, управлять действиями механика-водителя с помощью ног, поставленных на его плечи, как это широко практиковалось в Т-34, командирам немецких танков не приходилось.

Превосходство на поле боя могло быть получено и за счет многих других, порой скрытых, на первый взгляд

не лежащих на поверхности причин. Проиллюстрировать это можно на сравнении двух легких танков, немецкого Pz.II и советского Т-60. Оба танка в начальный период войны занимали заметное место в танковых войсках Вермахта и Красной Армии.

Анализируя данные этих машин, можно сказать, что советским танкостроителям удалось добиться практически одинаковой с немецким танком уровня защищенности, что при меньших массе и габаритах существенно повышало неуязвимость Т-60. Почти аналогичными были и динамические характеристики обеих машин. Несмотря на большую удельную мощность, Pz.II не был быстрее «шестидесятки». Формально одинаковыми были и параметры вооружения: оба танка оснащались 20-мм пушками с близкими баллистическими характеристиками. Начальная скорость бронбойного снаряда пушки Pz.II составляла 780 м/с, у Т-60 — 815 м/с, что теоретически позволяло им поражать одни и те же цели. На самом же деле все обстояло не так просто: советская пушка ТНШ-20 не могла вести огонь одиночными выстрелами, а немецкая KwK 30, равно как и KwK 38, — могла, что существенно повышало точность стрельбы.

«Двойка» оказалась эффективнее на поле боя и за счет численности экипажа, состоявшего из трех человек и имевшего к тому же гораздо лучший обзор из танка, чем экипаж Т-60.

Важным преимуществом являлось и наличие радиостанции. В итоге Pz.II в качестве машины переднего края существенно превосходил «шестидесятку». Еще больше это преимущество ощущалось при использовании танков для разведки, где малозаметный, но «слепой» и «немой» Т-60 был практически бесполезен.

Целью этой книги не является детальное сравнение

Немецкий легкий танк чехословацкого производства Pz.38(t)

советских и немецких танков. Хочется просто заострить внимание читателя на этом вопросе для понимания того, насколько непросто было добиваться побед на технике, имевшейся в руках наших танкистов. Особенно в начальный период войны. И, тем не менее, они их добивались.

К сожалению, представить читателю точный список советских танкистов-асов нет возможности. Учет персональных побед в советских танковых войсках в целом практически не велся. Более или менее такой учет вели в рамках одной танковой части или соединения. Можно привести, например, список наиболее результативных танкистов 1-й гвардейской танковой бригады:

старший лейтенант Д.Лавриненко — 52 танка;
старший лейтенант К.Самохин — свыше 30 танков;
старший лейтенант А.Бурда — свыше 30 танков;
капитан А.Рафтопулло — 20 танков;
старший сержант И.Любушкин — 20 танков.

О том, как в Красной Армии велся учет подбитых вражеских танков, можно судить на примере старшего лейтенанта В. Брюхова из 170-й танковой бригады. По его подсчетам, он подбил 28 вражеских танков, из них девять на своем Т-34-85 — за 15 дней Яско-Кишиневской операции. За них-то, судя по всему, он и получил деньги, полагавшиеся за подбитые немецкие танки. Возможно, что занижение побед было вызвано именно этой системой выплат, принятой в Красной Армии. За каждый уничтоженный немецкий танк экипажи советских танков получали следующие денежные вознаграждения: командир танка, командир орудия (башни) и механик-водитель — по 500 рублей, заряжающий и радист — по 200 рублей. Если экипаж погибал, то деньги перечислялись в фонд обороны. При этом каждый уничтоженный немецкий танк могли записать на свой счет не только танкисты, но и пехотинцы, артиллеристы, саперы и т.д. К примеру, наводчик противотанкового ружья получал за подбитый танк также 500 рублей, а второй номер — 250 рублей. То же самое касалось командиров и наводчиков артиллерийских орудий. Им также выплачивалось по 500 рублей, остальным номерам орудийных расчетов — по 200 рублей. За каждый подбитый танк противника при помощи индивидуальных средств борьбы полагалась премия в 1000 рублей, а если в уничтожении танка участвовала группа бойцов, то сумма премии достигала 1500 рублей. Поэтому для исключения приписок и во избежание чрезмерных выплат число побед занижалось и порой необоснованно. Вот как описывает этот процесс сам В. Брюхов: « Но чтобы деньги получить, надо было доказать, что ты подбил, нужно, чтобы были очевидцы. Была специальная комиссия, которая, если не лени-

Советский тяжелый танк КВ-2

лась, ездила, проверяла. Например, самолет сбили, летчики себе припишут, зенитчики себе, пехота себе — все же стреляют. Как-то командир зенитной роты прибегает: «Василий Павлович, вы видели, что самолет сбили?!» — «Видел». — «Это мы сбили. Подпишите, что вы были очевидцем». В итоге вышло, что не один самолет сбили, а три-четыре. Когда закончилась война, у нас было приказано подвести итог боевых действий по всем операциям. Нарисовали карты, командир бригады провел совещание, в завершение которого выступил начальник штаба с докладом о потерях противника и своих. Считать наши потери было очень трудно. Сколько танков погибло, не всегда точно учитывали. А потери противника по нашим донесениям можно было посчитать спокойно. И вот тут начальник штаба говорит: «Если бы я брал все донесения командиров батальонов Брюхова, Саркесяна, Отрошенкова и Московченко, то войну бы мы закончили на полгода раньше, уничтожив всю немецкую армию. Поэтому я все

Немецкое штурмовое орудие StuG III («Артштурм») с короткоствольной 75-мм пушкой

их донесения делил пополам и отправлял в штаб корпуса». Думаю, что штаб корпуса все эти донесения делил пополам и отправлял в армию и так далее. Тогда, может быть, какая-то достоверность в них была. А как мы писали донесения за день: «Наступали там-то и там-то. Прошли столько-то километров, на таком-то фронте. Вышли на такой-то рубеж. Потери противника: столько-то танков (танки мы хорошо учитывали — за них деньги платят), минометы, орудия, личный состав — кто их считал? Никто. Ну, напишешь человек пятьдесят. А когда в обороне сидели. Стреляли и стреляли: «Ну, пиши два орудия и один миномет...»

Возвращаясь к вопросу об учете побед, будет небезынтересно привести перечень наиболее результативных танкистов 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса:

гвардии лейтенант М. Кученков — 32 победы;
гвардии капитан Н. Дьяченко — 31 победа;
гвардии старшина Н. Новицкий — 29 побед;
гвардии младший лейтенант М. Разумовский — 25 побед;

гвардии лейтенант Д. Макешин — 24 победы;
гвардии капитан В. Марков — 23 победы;
гвардии старший сержант В. Куприянов — 23 победы;
гвардии старшина С. Шопов — 21 победа;
гвардии лейтенант Н. Булицкий — 21 победа;
гвардии старшина М. Пименов — 20 побед;
гвардии лейтенант В. Моченый — 20 побед;
гвардии сержант В. Ткаченко — 20 побед.

Сопоставляя этот список со списком 1-й гвардейской танковой бригады, можно вроде бы составить некий перечень танкистов-асов. Но совершенно очевидно, что он будет далеко не полным. Ведь танкисты-снайперы имелись и в других танковых соединениях Красной Армии. Более или менее достоверные сведения имеются по результатам отдельных танковых боев или по результатам боев за какой-то период. Но и они весьма противоречивы, так как берутся из совершенно различных источников, от документов Центрального архива Министерства обороны до статей военных лет в газете «Красная Звезда». Судя по последним, а также по сводкам Совинформбюро, Красная Армия должна была уничтожить весь немецкий танковый парк где-то к сентябрю 1941 года. Совершенно нереальные сведения имеются порой и по типуажу уничтоженных немецких танков. Начиная с Курской битвы, каждый второй подбитый немецкий танк — обязательно «Тигр»! Еще хлеще дело обстоит с «фердинандами». Судя по мемуарной литературе, не было в Красной Армии бойца, который

не подбил или, в крайнем случае, не участвовал в бою с «фердинандами». Они ползли на наши позиции на всех фронтах ежедневно и ежечасно начиная с 1943 года (а иногда даже раньше) и вплоть до конца войны. Количество же «подбитых» «фердинандов» приближается к нескольким тысячам (как известно, было выпущено всего 90 машин). Отчасти все это объясняется тем, что любую немецкую самоходку красноармейцы называли «Фердинандом», что, впрочем, свидетельствует о том, насколько велика была его «популярность» у наших бойцов.

К сожалению, далеко не всегда удастся перепроверить данные, как по количеству подбитых вражеских машин, так и по их типу. За неимением лучшего приходится оперировать выписками из наградных листов, боевыми донесениями и воспоминаниями очевидцев и военачальников.

Завершая разговор о наиболее результативных танкис-

Немецкая противотанковая САУ Panzerjäger I с 47-мм чехословацкой пушкой

тах, хотелось бы остановиться еще на одном аспекте, моральном. Танк, как известно, оружие коллективное, бой ведет не только его командир, но и весь экипаж, от слаженности действий которого зависит успех в бою. Однако имена и фамилии членов экипажей танкистов-асов известны значительно хуже. В особенности это касается наводчиков, стреляли-то, собственно говоря, они. Большинство своих побед М. Витман, например, обязан своему наводчику Бальтазару Волю. У наших танкистов, во всяком случае у тех, кто воевал на Т-34, Т-70 или на других типах легких танков, дело обстоит проще. Как уже упоминалось, командиры машин одновременно были и наводчиками. Так что Д. Лавриненко стрелял сам. Вот с Т-34-85 или с ИС-2 — сложнее. Так, например, широко известен первый победитель «Королевского тигра» командир танка Т-34-85 младший лейтенант А. Оськин. Но ведь стрелял-то в том памятном бою на Сандомирском плацдарме его наводчик (по должности — командир орудия) А. Мерхайдаров, кстати, получивший за «Королевского тигра» только орден Ленина. Так что, говоря о танкистах-асах, не будем по возможности забывать и о членах их экипажей.

Эта книга не претендует на истину в высшей инстанции при освещении вопроса о советских танкистах-асах. Это всего лишь попытка, на фоне многочисленных изданий, повествующих о героях Панцерваффе, дать заинтересованному читателю хотя бы первоначальную и очень неполную информацию о героях танковых войск Красной Армии.

СОВЕТСКИЕ ТАНКОВЫЕ АСЫ

ДМИТРИЙ ЛАВРИНЕНКО

Танкистом № 1 в Красной Армии считается командир роты 1-й гвардейской танковой бригады гвардии старший лейтенант Дмитрий Федорович Лавриненко.

Он родился 14 октября 1914 года в станице Бесстрашная ныне Отрадненского района Краснодарского края в семье крестьянина. Член ВКП(б) с 1941 года. В 1931 году окончил школу крестьянской молодежи в станице Вознесенской, затем учительские курсы в городе Армавир. В 1932 — 1933 годах работал учителем в школе на хуторе Сладкий Армавирского района, в 1933—1934 годах — статистиком главконторы совхоза, затем кассиром сберкассы в селе Новокубинское. В 1934 году добровольцем пошел в Красную Армию и был направлен в кавалерию. Через год поступил в Ульяновское бронетанковое училище, которое окончил в мае 1938 года. Младший лейтенант Лавриненко принимал участие в походе в Западную Украину в 1939 году, а в июне 1940 года — в походе в Бессарабию.

Начало Великой Отечественной войны лейтенант Лавриненко встретил в должности командира взвода 15-й танковой дивизии, которая дислоцировалась в городе Станиславе, на территории Западной Украины. Отличиться в первых боях ему не удалось, так как его танк был поврежден. Во время отступления молодой

офицер проявил характер и наотрез отказался уничтожить свой неисправный танк. Только после того, как оставшийся личный состав дивизии был отправлен на переформирование, Лавриненко сдал свою машину в ремонт.

В сентябре 1941 года в Сталинградской области на основе личного состава 15-й и 20-й танковых дивизий была сформирована 4-я танковая бригада, командиром которой был назначен полковник М.Е. Катуков. В начале октября бригада вступила в тяжелые бои под Мценском с частями 2-й немецкой танковой группы генерал-полковника Гейнца Гудериана.

6 октября во время боя в районе села Первый Воин позиции бригады были атакованы превосходящими силами немецких танков и мотопехоты. Танки противника подавили противотанковые пушки и начали утюжить окопы мотострелков. На помощь пехотинцам М.Е. Ка-

Советский легкий броневедомитель БА-20

туков выслал группу из четырех танков Т-34 под командованием старшего лейтенанта Лавриненко. «Тридцатьчетверки» выскочили из леса наперерез танкам противника и открыли ураганный огонь. Немцы никак не ожидали появления советских танков. С НП бригады было хорошо видно, как вспыхнуло несколько машин противника, как остальные остановились и затем, огрызаясь огнем, в замешательстве попятились. Танки Лавриненко исчезли так же внезапно, как и появились, но через несколько минут показались левее, из-за пригорка. И снова из их пушек сверкнуло пламя. В результате нескольких стремительных атак 15 немецких машин остались на поле боя, охваченные оранжевыми языками пламени. Солдаты мотострелкового батальона стали собираться вокруг своих танков. Получив приказ на отход, Лавриненко посадил раненых на броню и вернулся на место засады — на опушку леса. В этом бою Лавриненко открыл свой боевой счет, подбив четыре танка противника.

К 11 октября на счету отважного танкиста было уже семь танков, противотанковое орудие и до двух взводов немецкой пехоты. Механик-водитель его танка старший сержант Пономаренко так описал один из боевых эпизодов тех дней: «Лавриненко нам сказал так: «Живыми не вернуться, но минометную роту выручить. Понятно? Вперед!»

Выскакиваем на бугорок, а там немецкие танки, как собаки, шныряют. Я остановился.

Лавриненко — удар! По тяжелому танку. Потом видим, между нашими двумя горящими легкими танками БТ немецкий средний танк — разбили и его. Видим еще один танк — он убегает. Выстрел! Пламя... Есть три танка. Их экипажи расползаются.

В 300 метрах вижу еще один танк, показываю его Лавриненко, а он — настоящий снайпер. Со второго снаряда разбил и этот, четвертый по счету. И Капотов — молодец: на его долю тоже три немецких танка досталось. И Полянский одного угробил. Так вот минометную роту и спасли. А сами — без единой потери!» Следует уточнить, что упомянутые в рассказе танкиста Капотов и Полянский — командиры танков из взвода, которым командовал Лавриненко. Тяжелый же танк, о котором идет речь, вовсе не выдумка танкиста — до 1943 года, согласно немецкой классификации, тяжелым считался танк Pz.IV.

Дважды Герой Советского Союза генерал армии Д.Д. Лелюшенко в своей книге «Заря Победы» поведал об одном из приемов, который применил Лавриненко в боях под Мценском: «Запомнилось мне, как лейтенант Дмитрий Лавриненко, тщательно замаскировав свои танки, установил на позиции бревна, внешне походившие на стволы танковых орудий. И не безуспешно: фашисты открыли по ложным целям огонь. Подпустив гитлеровцев на выгодную дистанцию, Лавриненко обрушил на них губительный огонь из засад и уничтожил 9 танков, 2 орудия и множество гитлеровцев».

Однако до сих пор нет точных данных о количестве немецких танков, подбитых экипажем Д. Лавриненко в боях за Мценск. В книге Я.Л. Лившица «1-я гвардейская танковая бригада в боях за Москву», изданной в 1948 году, говорится, что на счету Лавриненко было семь танков. Генерал армии Д.Д. Лелюшенко утверждает, что только при обороне железнодорожного моста через реку Зуша в районе Мценска экипаж Лавриненко уничтожил шесть немецких танков (кстати, экипаж КВ старшего политрука Ивана Лакомова, который так-

же участвовал в обороне этого моста, подбил четыре танка противника). В других источниках сообщается о том, что «тридцатьчетверки» лейтенанта Лавриненко и старшего сержанта Капотова пришли на помощь танку своего комбата капитана Василия Гусева, прикрывавшего отход 4-й танковой бригады через мост. В ходе боя экипажам Лавриненко и Капотова удалось уничтожить только по одному танку, после чего противник прекратил свои атаки. Существует также утверждение о том, что в боях под Мценском Дмитрий Лавриненко уничтожил 19 немецких танков. Наконец, в военно-историческом очерке «Советские танковые войска 1941—1945» сообщается, что в боях под Орлом и Мценском в течение четырех дней экипаж Лавриненко уничтожил 16 вражеских танков. Вот типичный пример того, как в то время велся учет подбитых вражеских машин, даже в рамках одной бригады.

Однако есть и абсолютно достоверные факты. К ним относится эпизод, связанный с обороной Серпухова. Дело в том, что 16 октября 1941 года 4-я танковая бригада получила приказ на передислокацию в район поселка Кубинка Московской области, а затем в район станции Чисмена, что в 105 км от Москвы по Волоколамскому шоссе. Тут-то и выяснилось, что танк Лавриненко пропал. Катуков оставил его по просьбе командования 50-й армии для охраны ее штаба. Командование армии обещало комбригу долго не задерживать Лавриненко. Но с этого дня прошло уже четверо суток. М.Е. Катуков и начальник политотдела старший батальонный комиссар И.Г. Деревянкин кинулись звонить во все концы, но следов Лавриненко найти так и не смогли. Назревало ЧП.

В полдень 20 октября к штабу бригады, лязгая гусе-

Немецкий легкий бронеавтомобиль Sd.Kfz.221

ницами, подкатила «тридцатьчетверка», а вслед за ней немецкий штабной автобус. Люк башни открылся, и оттуда как ни в чем не бывало вылез Лавриненко, а следом за ним члены его экипажа — заряжающий рядовой Федотов и стрелок-радист сержант Борзых. За рулем штабного автобуса сидел механик-водитель старший сержант Бедный.

На Лавриненко набросился разгневанный начальник политотдела Деревянкин, требуя объяснения причин задержки неизвестно где находившихся все это время лейтенанта и членов его экипажа. Вместо ответа Лавриненко вынул из нагрудного кармана гимнастерки бумагу и подал ее начальнику политотдела. В бумаге было написано следующее: «Полковнику тов. Катукочу. Командир машины Лавриненко Дмитрий Федорович был мною задержан. Ему была поставлена задача остановить прорвавшегося противника и помочь восстановить положение на фронте и в районе города Сер-

пухова. Он эту задачу не только с честью выполнил, но и геройски проявил себя. За образцовое выполнение боевой задачи Военный совет армии всему личному составу экипажа объявил благодарность и представил к правительственной награде. Комендант города Серпухова комбриг Фирсов».

Дело оказалось вот в чем. Штаб 50-й армии отпустил танк Лавриненко буквально вслед за ушедшей танковой бригадой. Но дорога оказалась забитой автотранспортом и, как ни торопился Лавриненко, нагнать бригаду ему не удалось. Прибыв в Серпухов, экипаж решил побриться в парикмахерской. Только Лавриненко уселся в кресло, как внезапно в зал вбежал запыхавшийся красноармеец и сказал лейтенанту, чтобы тот срочно прибыл к коменданту города комбригу Фирсову.

Явившись к Фирсову, Лавриненко узнал, что по шоссе из Малоярославца на Серпухов идет немецкая колонна численностью до батальона. Никаких сил для

Советские средние бронеавтомобили БА-10

обороны города у коменданта под рукой не было. Части для обороны Серпухова должны были вот-вот подойти, а до этого вся надежда у Фирсова оставалась на один-единственный танк Лавриненко.

В роще, у Высокиничей, Т-34 Лавриненко стал в засаду. Дорога в обе стороны просматривалась хорошо. Через несколько минут на шоссе показалась немецкая колонна. Впереди тарахтели мотоциклы, потом шла штабная машина, три грузовика с пехотой и противотанковыми орудиями. Немцы вели себя крайне самоуверенно и не выслали вперед разведку. Подпустив колонну на 150 метров, Лавриненко расстрелял ее в упор. Два орудия были сразу же разбиты, третье немецкие артиллеристы пытались развернуть, но танк Лавриненко выскочил на шоссе и врезался в грузовики с пехотой, а затем раздавил орудие. Вскоре подошла пехотная часть и добила ошеломленного и растерянного противника.

Экипаж Лавриненко сдал коменданту Серпухова 13 автоматов, 6 минометов, 10 мотоциклов с колясками и противотанковое орудие с полным боекомплектом. Штабную машину Фирсов разрешил забрать в бригаду. Ее-то своим ходом и вел пересевший из «тридцатьчетверки» механик-водитель Бедный. В автобусе оказались важные документы и карты, которые Катукоев немедленно отправил в Москву.

С конца октября 4-я танковая бригада вела бои уже на подступах к столице, на Волоколамском направлении в составе 16-й армии. 10 ноября 1941 года М.Е. Катукоеву было присвоено звание генерал-майора, а на следующий день увидел свет приказ Наркома обороны № 337 о преобразовании 4-й танковой бригады в 1-ю гвардейскую танковую бригаду.

В ноябрьских боях на Волоколамском направлении

Немецкий тяжелый бронеавтомобиль Sd.Rfz.231(8-Rad)

вновь отличился уже старший лейтенант Лавриненко. 17 ноября 1941 года недалеко от села Лысцево его танковая группа, состоявшая из трех танков Т-34 и трех танков БТ-7, была выделена для поддержки 1073-го